ГИПЕРПОЛИТИКА

Антон Йегер

Антон Йегер

Гиперполитика. Чрезмерная политизация без политических последствий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74704451
Гиперполитика. Крайняя политизация без политических последствий:
ISBN 978-5-908105-37-8

Аннотация

Политика повсюду: люди без перерыва спорят в интернете, а в мире то и дело вспыхивают протесты и военные конфликты. Однако мы лишены какого-либо действительного влияния в этой сфере. В книге «Гиперполитика» бельгийский историк Антон Йегер (род. 1994) описывает процесс социальной эволюции XX-XXI веков, переход от активного участия людей в политической жизни к крайней политизированности общества при его фактической пассивности. Автор связывает это с распадом институций и формированием онлайн-реальности, позволяющей выражать политическую активность «без обязательств». Рассматриваемые Йегером этапы – массовая политика, постполитика, антиполитика, гиперполитика – измеряются степенью мобилизации общества и степенью гражданской вовлеченности. Эпоху гиперполитики, наступившую после

финансового кризиса 2008 года, характеризует желание людей принимать участие в решении насущных вопросов, но это участие незначительно из-за отсутствия организаций, через которые оно могло бы воплощаться. С каждым годом всё меньше людей состоят в профсоюзах, партиях, группах и посещают церкви – вместе с поголовным распространением смартфонов всё это усиливает атомизацию общества.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие 6
1 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Антон Йегер
Гиперполитика. Крайняя политизация без политических последствий

Уолл-стрит побеждает на каждых выборах.
Теперь можешь и ты.
Слоган приложения Kalshi для ставок на выборах

© Anton Jäger, 2026
Translation rights arranged by Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.
© Santiago Sierra, 2024
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Предисловие
Гиперполитика, США

Мчась по рейгановской Америке и создавая своего рода токвилевский[1] путевой очерк о «единственном реально существующем первобытном обществе», Жан Бодрийяр[2] отметил парадокс могущества США в конце 1980-х. «Сегодня Америка уже утратила прежнюю гегемонию и не играет роль монополиста, но в каком-то смысле ее лидерство бесспорно и неоспоримо», – писал он. И всё же, «предвосхищая наступление однополярного момента»[3], заявил, что «американское могущество, кажется, не инспирируется ни-

---

[1] Алексис-Шарль-Анри Клерель, граф де Токвиль (1805–1859) – французский политический деятель, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел Франции (1849). – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. пер.*

[2] В 1970-х Бодрийяр много путешествует по странам Западной Европы, Латинской Америки и США. Результатом путешествия стала книга «Америка» (1986), одна из самых читаемых работ автора. См. перевод Д. Калугина: СПб.: Владимир Даль, 2000.

[3] Термин «однополярный момент» был введен в 1990 году американским политическим аналитиком Ч. Краутхаммером. По завершении холодной войны США остались единственной сверхдержавой, которой никто не в силах бросить вызов («unchallenged superpower»). 2010–2020-е рассматриваются как время появления держав, сопоставимых по силе и возможностям с США, и время, когда миропорядок по своей структуре станет похож на тот, который существовал до Первой мировой войны.

каким собственным гением (оно существует по инерции, от случая к случаю, в пустоте, скованное своей же собственной силой)». Если Соединенные Штаты когда-то были могущественным государством, то не находятся ли они теперь «в стадии лифтинга»? Или же страна вступает в фазу гистерезиса – процесса, при котором развитие продолжается по инерции, а результат сохраняется даже после исчезновения причины? Для Бодрийяра именно в этом и заключался подлинный кризис американской мощи: возможная «стабилизация по инерции», «вознесение могущества в пустоте» – «во многих отношениях этот кризис напоминает утрату иммунитета в чрезмерно опекаемом организме» [1][4].

Бодрийяр предлагал два объяснения данного кризиса. Первое – отсутствие достойных противников на мировой арене. Еще двадцать лет после 1945 года Соединенные Штаты сохраняли могущество, однако идеи и страсти, направленные против них, были столь же сильны: «Америке действительно уже ничто не противостоит, агрессивные окраины рассосались (Китай, Куба, Вьетнам), великая антикапиталистическая идеология лишилась своей субстанции». Второе объяснение носило внутренний характер: процессы, происходящие в стране, – потеря динамизма: «Но, опять-таки, если и был очевиден сбой в работе или в чарах американской машины, кто сможет сказать, является ли он следствием де-

[4] Здесь и далее цифрами в квадратных скобках отмечены затекстовые примечания автора.

прессии или переохлаждения механизмов?» [2]

Учитывая политическую картину Америки в 2020-х, диагноз Бодрийяра кажется пророческим. Сейчас враги повсюду – от Тегерана до Москвы и Пекина, не говоря уже о стойких палестинских защитниках в Ливане, Йемене, Сирии и Ираке, – но «дух или гений» почти не восстановился. Хотя статус Америки как мирового гегемона формально кажется прочным – империя простирается от Окинавы до Гуама через Рамштайн и Инджирлик, она неоспоримо контролирует мировую резервную валюту, владеет самой влиятельной индустрией культуры и самыми мощными вооруженными силами в истории человечества, – сбои слабеющей американской машины стали совершенно очевидны. Разнообразные временные заплатки, которыми пытались лечить это недомогание, – глобализованный дешевый труд, бездонная задолженность домохозяйств – начали расползаться еще в 2008 году; следующий раунд мер – смягчение денежно-кредитной политики, почти нулевые процентные ставки – привел к жилищному кризису, одновременно направляя средства техническим монополиям и богатым слоям населения.

За последнее десятилетие политическая жизнь страны пережила ряд сильных потрясений: кажется, обе политические партии и их избиратели еще никогда не расходились во мнениях так далеко. Несмотря на беспримерное господство Америки на мировой арене и сохраняющуюся культур-

ную притягательность, демократам и республиканцам теперь почти невозможно уживаться в одном политическом пространстве. В ходе недавних президентских выборов ключевые постулаты либеральной демократии – законная оппозиция, мирная передача власти, конституционная преемственность – оказались под вопросом. Внепарламентская мобилизация на улицах и в судах была спровоцирована сверху; 6 января 2021 года в поддержку Трампа бунтовщики штурмовали Капитолий[5]; против сорок пятого президента возбудили ряд судебных дел из-за уголовного преследования им незадачливого сына сорок шестого президента. «Стабилизация по инерции» подорвала возможность американской элиты покупать согласие у населения и друг у друга.

С момента избрания Эндрю Джексона в 1828 году – первых прямых президентских выборов, после которых избирателям даже позволили устроить праздник в Овальном кабинете, – американская политика несет на себе отпечаток сплава демотизма и плутократии. В 2024 году с размахом

[5] 6 января 2021 года толпа сторонников Дональда Трампа, в том числе члены праворадикальных организаций Proud Boys («Гордые парни») и Oath Keepers («Хранители клятвы»), ворвалась в здание американского Капитолия, чтобы помешать проведению →совместной сессии конгресса США, в ходе которой должно было пройти оформление победы Джо Байдена на президентских выборах. По оценкам ФБР, число участников штурма составляло 2000–2500 человек. Виновным по всем пунктам был признан 181 человек, виновными частично – 76 человек. Спустя ровно четыре года после тех событий, став уже избранным 47-м президентом (но еще до инаугурации), Трамп подтвердил свои намерения о массовом помиловании участников беспорядков 2021 года.

была представлена современная версия подобного соединения, хотя и не без оттенка паранойи, которого не было в прежних избирательных кампаниях, появилось ощущение, что Соединенные Штаты всё больше теряют контроль над политическими процессами и внутри страны, и за ее пределами, – символически это выражалось в фигуре главы государства, чьи умственные способности всё чаще становились предметом внимания.

Выборы 2024 года по-своему способствовали сохранению беспорядка. Управляя плавно замедляющейся инфляцией и трещащим по швам международным порядком, демократы Камала Харрис и Джо Байден стремились укрепить блок, чтобы стабилизировать свою власть в Америке в предстоящее десятилетие и направить мировую экономику на путь перехода к зеленой экономике. Тем временем Республиканская партия полностью смирилась со своим бонапартистским уклоном: опустошенную структуру, больше похожую на бизнес-картель, чем на массовую организацию, колонизировали сторонники Трампа, которые шумно готовились к смене режима. Партийные съезды превратились в показательные зрелища: звезды World Wrestling Entertainment (WWE)[6] и звезды кантри-индустрии обещали грудью защитить своего кандидата от обвинений на заседании Нацио-

[6] Развлекательная компания продвижения рестлинга.

нального комитета Республиканской партии США[7], рэперы из Джорджии ожидали официальных заявлений Национального комитета Демократической партии США; студенческие братства в штатах «Солнечного пояса»[8] поддерживали Трампа, поэтессы из Ivy League (Лиги плюща) – Харрис.

Социальный состав обеих партий отражает меняющуюся тактику американской политической экономики в 2010-х, как бы застрявшей между предполагаемой необходимостью зеленой реиндустриализации и добычей ископаемого топлива внутри страны и за ее пределами; между борьбой с инфляцией и поддержкой спроса на доллар как на самый надежный актив в мире. Вокруг этого комплекса сформировались два блока. С одной стороны, вокруг Трампа и его окружения группируется межклассовая коалиция за отмену ограничений на выбросы парниковых газов, которая была значительно очищена от неоконсерваторов Республиканской партии и обменяла пригородных консерваторов на периферийных рабочих, а также включила сельскую мелкую буржуазию, управленцев из предместья, предпринимателей в сфере недвижимости, торговцев криптовалютой, правое крыло Кремниевой долины и сталелитейщиков, переживших поли-

[7] Национальный комитет Республиканской партии США, занимается организацией выборов и сбором средств.

[8] «Солнечный пояс» – это регион в США, расположенный ниже 36-й параллели. Он получил свое название благодаря теплому субтропическому климату. Исторически южные районы были центром производства сельскохозяйственной продукции.

тику невмешательства в экономике 1980-х. В отличие от коалиции, созданной Рейганом, у Трампа нет белых выпускников колледжей, но его поддерживают белые избиратели без высшего образования [3]. Он в значительной степени выигрывает от антимажоритарных особенностей американской конституции и для поддержки своего мандата опирается – как формально, так и неформально – на практики подавления избирателей. Его мобилизационный потенциал поддержал технократ-миллиардер в духе Форда[9], который до недавнего времени рассчитывал использовать Трампа для получения доступа к государственным ресурсам, тогда как часть профсоюзных лидеров начали проявлять симпатию к новому, ревизионистскому правому крылу партии, формально заинтересованному в схемах партисипативности и коллективных переговорах по заработной плате.

С другой стороны стоит широкая коалиция Демократической партии, которая, кажется, переосмыслила само понятие «межклассового» союза. В социологическом плане Национальный комитет Демократической партии (DNC) теперь объединяет городских профессионалов, леволиберальных активистов, ветеранов движения за гражданские права, представителей разведывательного сообщества и практически все фракции американского капитала – от «прогрессивных» кругов Пало-Альто[10] до haute finance – высших эшело-

[9] Речь идет об Илоне Маске.

[10] Пало-Альто – исторический центр Кремниевой долины, часто называемый ее

нов Уолл-стрит. В 2024 году один из наблюдателей съезда Демократической партии в Чикаго заметил, что теперь эта партия объединяет труд и капитал; должников и банкиров; высмеивает Ivy League (Лигу плюща), хоть у руля и стоят выпускники ее университетов; это партия антимонополистов и Кремниевой долины; партия иммигрантов и защитников границ; партия инсайдеров и маргиналов; партия футбольных команд и студенческого сестринства; партия семьи и свободы; партия военной машины и прекращения огня; партия, выступающая против фашизма, но потворствующая геноциду [4]. Однако об этой симметрии нужно кое-что уточнить: в демократических правящих кругах преобладают банкиры и сторонники силовой внешней политики, среди рядовых членов партии – люди, обремененные долгами и социально уязвимые. Ближайшим аналогом был бы перевернутый перонистский[11] блок развития, в котором промышленный пролетариат не участвует, а финансовый капитал прочно удерживает власть над промышленным [4].

На первый взгляд, нынешняя политическая картина США разительно отличается от периодов затишья в 1990-х и нача-

---

неофициальной столицей. Пало-Альто является местом рождения и штаб-квартирой многих знаменитых компаний, в том числе Hewlett-Packard, Xerox, Apple, Tesla Motors и т. д.

[11] Перонизм – аргентинская политическая идеология, основанная на взглядах президента Хуана Перона и представляющая собой комбинацию экономического национализма и патернализма.

ле 2000-х годов. Тогда журналистская шумиха вокруг сексуальных скандалов и фальсификаций на выборах лишь прикрывала нарастающий отказ американцев от общественной жизни. На президентских выборах 1996 года явка упала до 49 процентов населения избирательного возраста. Три года спустя, когда Клинтон награждал Национальной медалью за заслуги в сфере гуманитарных наук Джона Ролза[12], называя его «величайшим политическим философом XX века» и человеком, который «помог целому поколению образованных американцев вновь поверить в демократию», уровень общественного отчуждения напоминал ранний период «эпохи Джима Кроу»[13] и эру прогрессизма[14] [5]. Однако теперь рабочие и общественные объединения растворялись в кислоте деиндустриализации и торжествующей рыночной логики. Конкуренция в американской двухпартийной системе почти отсутствовала; полусуверенный народ, как однажды назвал его политолог Элмер Шаттшнайдер, становился всё менее суверенным [6]. В условиях сближения позиций лишь

[12] Джон Ролз (1921–2002) – политолог, философ, первым поставивший справедливость в центр политико-философской мысли.

[13] «Эпоха Джима Кроу» (1890–1964) – период в истории США, отмеченный законами о расовой сегрегации в южных штатах. Система ограничивала права афроамериканцев до принятия закона о гражданских правах в 1964 году. Эпоха и законы названы по имени комического персонажа из песенки «Прыгай, Джим Кроу», спетой в 1828 году Томасом Райсом.

[14] Эра прогрессизма – период в истории США (1890–1920-е), для которого характерна высокая политическая активность среднего класса и социальных низов, приведшая к масштабным социальным и политическим реформам.

«культурные войны» создавали подобие соперничества.

Политическое затишье продолжалось и в начале 2000-х. Как отметил Перри Андерсон в комментариях о выборах 2000 года, иллюзия выбора между кандидатами в президенты скрывала жесткость консенсуса, лежащего в основе борьбы. Поражение Гора «предсказуемо породило партийную легенду, представляющую проигрыш как беспрецедентную кражу народной воли, которая привела к режиму с тяжелейшими социальными и политическими последствиями». Однако, по мнению Андерсона, были «все основания смотреть на оба утверждения с холодным скепсисом»: «разрыв между Гором и Бушем» на самом деле «был незначительным», а «левые, принявшие этот миф, лишь показали свою зависимость от демократического истеблишмента» и неспособность мыслить вне рамок двухпартийной системы [7]. Накануне избрания Барака Обамы Андерсон вновь подчеркивал, что «партийный конфликт и идеологическая напряженность [в США] сейчас куда выше, чем в Европе», но не из-за роста социальных противоречий, а из-за «шизофренической системы ценностей Америки – культура, сочетающая предельную коммерциализацию с предельной сакрализацией жизни, – в равной степени „либеральной“ и „консервативной“», при этом «почти никак не противостоит капиталу» [8].

Спустя четверть века некоторые черты портрета, предло-

женного Андерсоном, кажутся явно устаревшими. Последствия финансового кризиса стали очевидной точкой перелома: как в университетах, так и на улицах резко участились протесты. Возросла и активность избирателей. В ноябре 2008 года, когда Уолл-стрит балансировала на грани, явка достигла 61,6 процента населения, имеющего право голоса. А в 2020-м – 66 процентов, что стало самым высоким показателем среди американцев, отдавших голоса за кандидата в президенты с 1900 года, в 2024-м явка немного снизилась, до 64 процентов – второго показателя более чем за столетие [9].

Политические эмоции стали не только интенсивнее, но и крепче. Если в 2000 году скандал вокруг решения Верховного суда в пользу Буша-младшего при пересчете голосов во Флориде улегся довольно быстро, то сегодня предполагаемые случаи «отступления от демократии» справа или слева вызывают длительное и нарастающее возмущение. Еще один показатель напряженности: частота покушений на президентов в текущем избирательном цикле уже превзошла все кампании за последние сорок лет. В конце XIX века их было три: Авраам Линкольн был убит в 1865 году, Джеймс Гарфилд – в 1881-м, Уильям Мак-Кинли – в 1901-м, затем почти через шестьдесят лет – Джон Кеннеди; неудачное покушение на Рональда Рейгана в 1981 году – последнее до 2024-го. На сегодняшний день уже предпринято два покушения на Дональда Трампа, что ясно указывает на характер выбора, который видят американские избиратели. Поляризованная,

параноидальная, с нулевой суммой[15] политическая жизнь в Америке сегодня превосходит политическую жизнь в значительной части Европы как по уровню избирательной активности, так и по степени массового участия, а также слепой поддержки кандидатов. Согласие с американским правящим порядком больше не воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Однако в других важных аспектах основные положения анализа Андерсона выдержали испытание временем. Обе партии по-прежнему стремятся сохранить на мировой арене образ американской сверхдержавы – с небольшой разницей в деталях. Политические предложения по-прежнему укладываются в вариации рыночной логики: у демократов – государство перераспределения, стимулирующее экологические инвестиции через субсидии и гарантии прибыли; у республиканцев – тарифные барьеры и снижение налогов. Тер-

[15] Модель из теории игр в политических науках – «конфликтные игры, когда сумма выигрышей одной части игроков равна проигрышу другой части игроков». *Салин П. Б.* Формальные модели теории игр в политологии и их приложения к экспертным экономическим моделям / П. Б. Салин, В. А. Юрга // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 2012. № 4(8). С. 32–42; применительно к глобализации – модель игры с нулевой суммой («выигрыш – проигрыш»); подразумевается, что «ее сопровождают конфликты между соперничающими компаниями, вплетенные в конкуренцию между государствами, что увеличивает экономическое и политическое разделение между победителями и проигравшими». *Мариотти С.* Глобализация по модели игры с нулевой суммой и превращение национальными государствами экономической политики в оружие // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. 144–171 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-09. – *Примеч. науч. ред.*

мин «партия», наверное, слишком льстит этим разрозненным группам выборных должностных лиц, спонсоров, публицистов и потенциальных кандидатов, у которых нет ни формального членства, ни развитой инфраструктуры гражданского общества, за исключением персонала неправительственной организации. Вместо этого Республиканскую партию и Национальный комитет Демократической партии лучше понимать как квазигосударственные структуры, мало изменившиеся со времен их описания Фридрихом Энгельсом в 1891 году:

Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело <…>. Мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств для самых грязных целей [10].

Между тем после десяти лет политических потрясений уровень гражданского участия и интенсивность общественных связей, которые характеризовали эпоху массовой политики, так и не превысили исторические минимумы, до которых упали в 1990-х. Для зарождающихся социальных движений, действующих в рамках сферы услуг, основанной на

долговых обязательствах, солидарность онлайн-сообщества не так эффективна, как связи на местах.

Как и следовало ожидать, эта ситуация вызвала бурный поток исторических аналогий со стороны прибрежной элиты. По мнению аналитиков, Соединенные Штаты переживают свой «веймарский момент»[16], возвращение к позолоченному веку[17], телепортацию в начало эпохи Никсона или заново проживают религиозные войны в Старом Свете. Здесь можно выделить несколько доминирующих интерпретационных направлений. С момента триумфа Трампа в 2016 году множество историков и претендентов на звание интеллектуалов пророчили стране поступательное скатывание к фашизму. Основу этих аргументов обычно составляют рассказы о запуганных жителях штата Огайо, возросшей активности военизированных формирований и ультимативной риторике, при этом Proud Boys[18] предстают как возвращение фрайкоровской воинственности, а партийный аппарат – как

---

[16] «Веймарский момент» – исторический период в Германии (1919–1933), характеризующийся хрупкой демократией, глубоким экономическим кризисом, унижением после Первой мировой войны и острой поляризацией общества.

[17] Позолоченный век (Gilded Age) – эпоха быстрого роста экономики и населения США после Гражданской войны и реконструкции Юга. Считается, что современная американская экономика была создана в эпоху позолоченного века.

[18] Proud Boys («Гордые парни») – американская крайне правая, неофашистская мужская организация, которая пропагандирует политическое насилие. Признана террористической в Канаде и Новой Зеландии.

сила, преданная «Проекту 2025»[19]. В такой трактовке трампизм выступает как современная версия ультраправой угрозы, присущей предыдущему столетию.

Однако это сравнение плохо выдерживает проверку. Прежде всего, оно замалчивает один из ключевых элементов любой ультраправой угрозы XX века – наличие левого движения, стоящего на пороге революционного прорыва. Даже в самых традиционных анализах «третьего периода» фашизм рассматривался с двойной точки зрения: как неспособность буржуазии укрепить свое правление после Первой мировой войны и как всё более напористый пролетариат, претендующий на государственную власть. Оказавшись в таком безвыходном положении, правящие элиты пригласили вмешаться партии разочарованных ветеранов, чтобы выйти из тупика, уничтожив антикапиталистическую угрозу; фашизм выражал как разрешение, так и подавление революционного интермеццо. В современной Америке ничего подобного нет. Что же тогда дает эта «фашистская» схема? Оглядываясь назад, можно сказать, что ее главным последствием стало сплочение недовольных вокруг капиталистов «меньшего зла» – словно преступления Байдена бледнеют перед аналогичными преступлениями Трампа.

Гораздо убедительнее звучит предположение, что США

[19] «Проект 2025» – консервативные предложения по реформированию федерального правительства США и консолидации исполнительной власти в руках президента, опубликованные в апреле 2023 года американским негосударственным аналитическим центром Heritage Foundation.

переживают второй позолоченный век [11]. И действительно, прослеживаются некоторые сходства. В первый позолоченный век партийная поляризация преобладала над крайне неравноправной экономикой на фоне второй промышленной революции. После переизбрания Трамп перешел к введению «тарифов в духе Мак-Кинли», стремясь защитить сталелитейную отрасль от глобального перепроизводства, как сейчас косвенно проводится девальвация доллара. В конце XIX века популистское движение, возникшее вне партийной системы, пыталось направить ее в иную сторону, добиваясь ослабления денежной массы. Тогда, как и сейчас, демократы воспринимались как преимущественно инфляционная коалиция, выступающая за разрыв с жестким золотым стандартом, а республиканцы представляли дефляционный блок, стремящийся сохранить индустриальный путь развития страны.

На этом сходство также быстро заканчивается. Популизм вырос не из цифровой структуры со слабо организованными участниками, а из кооперативного фермерского движения, которое уже завоевало популярность на Юге и Среднем Западе, но только после долгих проволочек было поддержано демократами из правительства. Это пограничное крестьянство стремилось приобщиться к корпоративной современности. То была эпоха роста, а не застоя американской мощи; в 1890-х производство стали в США уже обогнало британское, а иммиграция достигла исторических максимумов.

Машина, как сказал бы Бодрийяр, только начинала набирать обороты.

Таким образом, современная ситуация представляет собой противоречивый гибрид, который трудно соотнести с историческими аналогами. С одной стороны, участие населения в американской политике относительно возросло по сравнению с апатией 1990-х и начала 2000-х. С другой стороны, институционализированное участие находится на рекордно низком уровне, и американские партии еще сильнее превратились в картели, слившись со своими СМИ или поддерживающими их классами.

В течение последнего «десятилетия протестов» в Соединенных Штатах резко уменьшилось число участников в различных организациях; профсоюзы, клубы, ассоциации, политические партии и даже – что особенно важно для американской жизни – церкви теряли людей. Этот процесс усиливался ростом новых цифровых медиа и ужесточением трудового законодательства, а также «эпидемией одиночества», разросшейся на фоне реальной пандемии 2020 года. Результатом является любопытное К-образное восстановление (): в Америке довольно быстрыми темпами продолжается разрушение гражданской жизни, и в общественной сфере страны всё чаще возникают резкие всплески активной деятельности и конфликтов – от теорий заговора в интернете до штурма правительственных зданий. Нарастает всеобщее

недовольство, подпитывая политические эмоции; возмущение полицейским расизмом или сионистским насилием, преступлениями иммигрантов или китайскими метеозондами – всё это выплескивается наружу.[20]

В итоге в социальных сетях над институциональными «позиционными» преобладают «маневренные войны», где основные формы политического участия столь же мимолетны, как рыночные сделки. Это скорее вопрос необходимости, чем выбора: законодательная среда остается неблагоприятной для создания долгосрочных движений, американские активисты действуют в искаженном социальном ландшафте и под давлением беспрецедентно разросшейся культурной индустрии.

За такими структурными ограничениями скрываются вопросы стратегии. Интернет решительно снизил издержки политического самовыражения, он также расширил сферу применения радикальной политики, размывая границы между партией и обществом и порождая хаос из-за плохо организованных онлайн-выступлений. «Коллективный торг через бунт», по словам Хобсбаума (), по-прежнему предпочтительнее постполитической апатии [12]. И всё же без официального членства в партиях американская протестная политика

[20] K-образное восстановление – это неравномерный сценарий выхода экономики из кризиса, при котором одни отрасли и слои населения быстро растут (верхняя ветвь «K»), а другие продолжают падение или стагнацию (нижняя ветвь «K»). В отличие от V-образного, оно отражает усиление неравенства: выигрывают цифровые сервисы, а страдают туризм и офлайн-услуги.

вряд ли вернет нас к сверхполитизированным 1930-м. Скорее она приведет к постмодернистским вариантам крестьянских восстаний старого режима: колебаниям между пассивностью и всплесками активности, сопровождающим президентские медийные кампании, но не уменьшающими общего неравенства власти в обществе. Именно этим и объясняется характерное для 2020-х асимметричное восстановление, отличное от картин конца XX века, описанных Андерсоном и Бодрийяром.[21]

В таком случае десятилетие протестов, начавшееся после кредитного кризиса 2008 года, можно рассматривать не столько как успешный штурм вашингтонской цитадели «снизу», сколько как изменение самих методов управления отношениями между элитой и массами. Решение кризиса 2008 года, вызванного чрезмерной задолженностью финансовых институтов, – раздувание цен на активы – еще больше увеличило разрыв между верхами и низами в американской политике, как и между различными видами капитала. Однако оно не изменило сам социальный уклон: общественный контроль над государственным аппаратом по-прежнему остается слабым.

Именно на этом «шахматном поле» и разворачивается новый политический подъем. Публичная сфера мирового гегемона вновь наполнилась жизнью, но всплеск реполитиза-

[21] Эрик Джон Эрнест Хобсбаум (1917–2012) – британский историк-марксист, наиболее известный работами о «долгом XIX веке».

ции не усилил контроля населения над правительством и не сделал доступными важные сферы формирования политики. Впечатляющее несоответствие между затратами и результатами, которое американские политологи давно выявили, лишь углубилось – общественная поддержка того или иного предложения (например, программы Medicare ()) совсем не значит, что его примут, что ясно видно на примере политики администрации Байдена – Харрис [13].[22]

Вливание огромных средств в дающую сбои американскую машину – 8 триллионов долларов при первом президентстве Трампа и еще 6 триллионов при Байдене – в сочетании с прокси-войнами и возвращением производства из-за рубежа («внешняя политика для среднего класса») вызвало кратковременный всплеск активности, при котором реальные зарплаты заметно отстали от роста цен на продукты, топливо и жилье, а выгоды от роста ВВП непропорционально достались верхним 20 процентам населения. Две трети американских семей сообщили, что живут от зарплаты до зарплаты, а 57 процентов отметили, что рост стоимости кредитов при Байдене оказался для них особенно тяжелым [14].

За нынешней конъюнктурой скрываются вопросы, которыми американские левые мыслители активнее занимались в 2010-е, когда дебаты о суррогатных партиях, «грязных раз-

[22] Государственная программа бесплатной медицинской помощи престарелым.

рывах»[23] или левых фракциях сохраняли постоянную актуальность. Сегодня же почти ни один из этих сюжетов не остается в поле внимания левых. Как отмечал Тим Баркер, ведущие фигуры американского прогрессизма[24] сохраняют глубоко «эдипово» отношение к Демократической партии. Именно она каким-то образом считается единственной силой, способной остановить карательный геноцид Израиля, хотя сама партия исторически связана с элитным сионизмом и аппаратом безопасности, сложившимся в эпоху холодной войны [15]. Ирония в том, что внепартийная атака 2010-х годов лишь укрепила позиции Демократического национального комитета как горизонта американской левой партии. Партийные картели также используют повышенную политическую эмоциональность [16]. После десятилетия экспериментов с полуавтономной партийной активностью The Squad[25], по-прежнему считающий себя неравнодушным авангардом борьбы за «лучшую Демократическую партию», остается главной составляющей левопопулистско-

---

[23] «Dirty break» («грязный разрыв») в контексте политики 2010-х годов чаще всего связан с дискуссиями внутри американской организации «Демократические социалисты Америки» (DSA). Эта стратегия предполагает тактическое использование бюллетеня Демократической партии для постепенного наращивания независимых сил и создания в будущем самостоятельной рабочей партии.

[24] Американский прогрессизм – это реформаторское движение начала XX века (1890–1920-е), направленное на борьбу с коррупцией, монополиями и социальным неравенством.

[25] The Squad («Отряд») – группа левых демократов (Окасио-Кортес и др.).

го движения в США.

Для правящих сил страны итог не обязательно неблагоприятен. В ближайшем будущем, скорее всего, сохранится та же картина: внепарламентские вызовы, судебные баталии, сильные политические эмоции – и, как при Байдене, обнародование двухпартийной повестки, которая не остановит работу конгресса. На международном же уровне это означает материальную поддержку и юридическое прикрытие израильского экспансионизма и войны чужими руками с Ираном, а также агрессивную позицию по отношению к Китаю и проксиконфликт с Россией. Всё это происходит при согласии обеих партий, хотя и без особого энтузиазма. Внутри страны предполагается сохранение агрессивно-разрешительной политики на южной границе США, продолжение конфликтов вокруг регулируемых штатами законов об абортах, дальнейшие корректировки налогового кодекса и повторные повышения тарифов. Гистерезис в духе Бодрийяра, по-видимому, еще далеко не исчерпан.

1
Улыбка без кота[26]

[26] Отсылка к «Алисе в Стране чудес» Л. Кэрролла.

Вольфганг Тильманс / Wolfgang Tillmans
Любовь (руки в волосах) / Love (hands in hair)
1989

Courtesy Galerie Buchholz

Его фотографии выполнены в ярких, почти флуоресцентных тонах. Объединяет их тема любви. На портрете под названием «Любовь (руки в волосах)» снята рыжеволосая женщина в объятиях мужских рук, которые тянутся к ней из-за кадра. На фотографии «Любовь (молитва)» женщина с закрытыми глазами медитирует в тишине ночного клуба. Люди на его снимках танцуют под музыку техно, подражающую шуму заводских машин и станков Детройта и Манчестера – городов-близнецов, где зародился этот жанр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.